

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>
УДК 159.923

Связь отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи

М.Е. Сачкова^{1,2}✉, Л.Э. Семенова³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

³Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

✉ msachkova@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современном мире растет озабоченность глобальными рисками, в том числе и среди молодежи. При этом имеются сведения о широком распространении в молодежной среде суеверий и других вариантов веры в паранормальное, обращение к которым происходит, прежде всего, в ситуациях нестабильности для снижения тревоги и достижения ощущения безопасности. Однако до сих пор остается не уточненным вопрос о характере взаимосвязи отношения к глобальным рискам с рядом личностных особенностей, среди которых вера в паранормальное и самоэффективность, которую в плане активных действий можно рассматривать как противоположность суеверности.

Цель. Выявление специфики связей отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось в онлайн-формате с помощью психодиагностических методов: «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика в адаптации Д.С. Григорьева, «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека, опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика. С помощью корреляционного анализа были установлены статистически значимые связи структурных компонентов отношения к глобальным рискам с вариантами веры в паранормальное и личностной характеристикой самоэффективности у студенческой молодежи.

Результаты. Установлено, что отношение студенческой молодежи к глобальным рискам связано с их различными проявлениями веры в паранормальное. Наиболее сильные положительные связи обнаружены по таким компонентам отношения к глобальным рискам, как религиозный авторитаризм и апокалипсизм. И напротив, отрицательные связи зафиксированы между поведенческим компонентом готовности участвовать в превенции рисков, с одной стороны, и верой в предсказания и традиционной религиозной верой студенческой молодежи, с другой. Также констатированы положительные взаимосвязи самоэффективности с когнитивными компонентами отношения к глобальным рискам — оптимизмом и религиозным авторитаризмом.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о содержательной близости религиозного авторитаризма и апокалипсизма с верой в сверхъестественное у студентов. При этом общая самоэффективность также связана с религиозным авторитаризмом как стратегией предотвращения глобальных рисков и угроз.

Ключевые слова: отношение к глобальным рискам, суеверность, вера в паранормальное, самоэффективность, студенческая молодежь

Для цитирования: Сачкова, М.Е., Семенова, Л.Э. (2024). Связь отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 115–127. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>

Relationship Between Attitude to Global Risks, Belief in the Paranormal and Self-Efficacy among Students

Marianna E. Sachkova^{1,2}✉, Lidiya E. Semenova³

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

³ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ msachkova@mail.ru

Abstract

Background. There is a growing concern about global risks, including among young people in the modern world. At the same time, there also appears information about the wide spread of superstitions and other variants of belief in the paranormal among young people. The appeal to the paranormal occurs primarily in situations of instability and is aimed at reducing anxiety and achieving a sense of security. However, there is still an unspecified question about the nature of the relationship between the attitude to global risks and a number of personal characteristics, including belief in the paranormal and self-efficacy, which in terms of active actions can be considered as the opposite of superstition.

Objective. The goal is to identify the specifics of the relationship between attitudes to global risks and the belief in the paranormal and self-efficacy among students.

Methods. The empirical research was conducted in an online format using psychodiagnostic techniques: “The scale of belief in the paranormal” by J. Tobacyk in the adaptation of D.S. Grigoriev, “The scale of general self-efficacy” by R. Schwarzer and M. Yerusalem in the adaptation of V.G. Romek, the questionnaire “Attitude to global risks” by T.A. Nestik. Statistically significant connections between the structural components of the attitude to global risks with the variants of belief in the paranormal and the personal evaluation of self-efficacy among students were established.

Results. It is found that the attitude of students to global risks is associated with various manifestations of belief in the paranormal. The strongest positive links were found in such components of the attitude to global risks as religious authoritarianism and apocalypticism. On the contrary, negative connections are recorded between the readiness to participate in risk prevention, on the one hand, and faith in predictions and the traditional religious belief of students, on the other hand. A positive relationship between self-efficacy and the cognitive components of the attitude to global risks — optimism and religious authoritarianism — was also found.

Conclusions. The results obtained indicate the substantial proximity of religious authoritarianism and apocalypticism with a belief in the supernatural among students. At the same time, general self-efficacy is a personal characteristic associated with optimism and religious authoritarianism as a strategy for preventing global risks and threats.

Keywords: attitude to global risks, superstition, belief in the paranormal, self-efficacy, student youth

For citation: Sachkova, M.E., Semenova, L.E. (2024). Relationship between attitude to global risks, belief in the paranormal and self-efficacy among students. *National Psychological Journal*, 19(3), 115–127. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>

Введение

Современный мир изобилует скрытыми и открытыми (вполне очевидными) угрозами для безопасности общества и личности, поэтому неслучайно психология риска уже прочно заняла свою нишу среди актуальных направлений психологических исследований (Емельянова, Белых, 2019; Нестик, Журавлев, 2018; Нестик, Николаев, 2020; Beck, 2011; Boustras, Waring, 2020 и др.).

Так, в частности, в российской психологии в последние годы появились данные, иллюстрирующие специфику отношения к глобальным рискам разных слоев населения, представителей разных возрастных групп, в том числе и молодежи. Установлено, что глобальные риски начинают вызывать озабоченность

у современного молодого поколения, а тревоги по поводу будущего все чаще становятся связанными с глобальными угрозами, вызванными политическими и экономическими процессами (Нестик, Журавлев, 2018). Констатированы некоторые отличия в отношении к глобальным рискам у студентов с православным и светским мировоззрением в плане стратегий предотвращения этих угроз, что происходит посредством актуализации религиозных ценностей либо политического компромисса и международного сотрудничества (Емельянова, Белых, 2019). Кроме того, подчеркивается значимость для поддержания уверенности в предотвращении глобальных рисков таких социально-психологических ресурсов личности, как высокий уровень образования и доверия к миру, высокий социальный статус, удовлетворенность основных потребностей, субъективное благополучие,

эмоциональная стабильность и др. (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

При этом в самой структуре отношения к глобальным рискам Т.А. Нестик выделяет следующие компоненты: ценностно-мотивационный (субъективная значимость глобальных рисков, ценность жизни и ее продолжения в других поколениях, использование допустимых способов их предотвращения), когнитивный (представления о рисках, способах превенции, их оценка и прогнозирование), аффективный (выраженность тревоги, позитивное или негативное восприятие будущего человечества) и поведенческий (готовность участвовать в предотвращении угроз, а также во время и после катастроф) (Нестик, 2016).

В то же время, помимо специфики содержания и структурно-динамических характеристик отношения к глобальным рискам, в центре внимания ряда исследователей оказывается оценка таких возможных исходов, как рост социального пессимизма, утрата чувства защищенности, страх, уязвимость, неспособность контролировать происходящее, управлять будущим и даже в целом выученная беспомощность, еще больше повышающих риск катастрофических последствий (Нестик, Журавлев, 2018). Как следствие, в результате утраты чувства безопасности у человека могут актуализироваться различные механизмы психологической защиты, одним из которых может стать феномен суеверия (Лебедев, 1987; Ольшанский, 2002; Саенко, 2006).

Анализируя феномен суеверий, Л. Леви-Брюль рассматривал их как подвид коллективных представлений, источником которых является мифологическое мышление. Согласно его точке зрения, суеверия практически не поддаются критике и формируются с раннего возраста в виде навязанного мнения. Они представляют собой аффективно-интеллектуальный комплекс, выполняющий компенсирующую, защитную роль (Леви-Брюль, 1994). В свою очередь в логике подхода Дж. Тобасика, предложившего оригинальный диагностический опросник, суеверия определяются как частный случай, один из вариантов веры в паранормальное наряду с традиционной религиозной верой, верой в пси-способности, спиритизм, колдовство и т.д. (Тобасук, Milford, 1983). При этом суеверность рассматривается как социально-психологическое свойство личности, определяющее склонность человека к вере в сверхъестественное и паранормальное (Андрюшкова, 2016).

Как показывают исследования, вера в паранормальное, потребность в мистицизме обусловлены актуальными процессами экономического, политического, культурного и национального характера и присущи людям различного пола, возраста, социального статуса, образования и профессий (Измоденова, 2013; Караваева, 2015; Строгальщикова, 2012). Так, М.Ю. Строгальщикова приводит данные, согласно которым 38% студентов-психологов верят в черную магию, некоторые носят талисманы, верят в родовое

проклятие и доверяют гаданию по руке (Строгальщикова, 2012). Практически аналогичные результаты получены и в исследовании А.В. Юревича и М.А. Юревича: до 42% учащихся вузов подвержены верованиям в паранормальные явления, при этом меньше всего они сомневаются в таких явлениях, как переселение душ, колдовство и магия, т.е. в том, что сложно проверить, в сравнении, например, с телекинезом или телепортацией (Юревич, Юревич, 2013). А по данным еще одного исследования, суеверными себя считают вообще 76% студентов (Воронежский, Зинченко, 2016).

По мнению Ю.В. Саенко, суеверность может рассматриваться как аффективный стиль реагирования личности в необычных, стрессогенных ситуациях, вызывающих страх и тревогу, в основе которого лежит базовая потребность в безопасности и который проявляется в обращении к сверхъестественным силам (Саенко, 2006). Причем суеверность людей сосуществует наряду с рациональностью и резко возрастает в так называемые кризисные периоды, в сложных, экстремальных жизненных ситуациях, ситуациях неопределенности, утраты контроля и повышенной ответственности, в состоянии эмоциональной напряженности и дезорганизации психической деятельности (Караваева, 2015; Лебедев, 1987; Почепцов, 2000; Саенко, 2006). Усилить веру в паранормальное может также фрустрирование значимых для личности потребностей (Саенко, 2004).

Другими словами, суеверия выполняют адаптационные и психотерапевтические функции (функции психологической поддержки): упрощают и стабилизируют образ постоянно меняющегося мира, делают его более понятным и прогнозируемым, создают иллюзию контроля над ситуацией, а также позволяют снять или снизить социальное напряжение (Строгальщикова, 2012; Boden, 2015), стабилизировать внутреннее состояние, преодолеть страх перед неизвестным, придают уверенность в завтрашнем дне, обеспечивают безопасность, защищают от негативных переживаний, связанных с реальностью, свободой и ответственностью, служат способом компенсации нереализованных потребностей (Блейлер, 1981; Измоденова, 2013; Саенко, 2006).

Однако в то же время существует мнение, что наряду с функцией психологической защиты суеверия, как и другие варианты веры в паранормальное, препятствуют конструктивной активности, преобразованию мира, реализации творческих способностей и в целом успешной социализации личности в условиях инновационного общества; они могут замедлять интеллектуальное развитие и самоактуализацию, стимулировать реактивное поведение (Блейлер, 1981; Саенко, 2006). Установлено, что суеверные люди обладают интеллектуальной пассивностью, экстернальным локусом контроля, повышенной внушаемостью и тревожностью (Абитов, Абдулина, 2023; Саенко, 2004, 2006; Saucier, 2010). Констатируется также связь суеверности с

пессимизмом и депрессией (Vyse, 2020). Поэтому и происходит обращение к предсказаниям и приметам для снижения тревоги и достижения ощущения безопасности. Более того, использование внешних средств поддержки поведения может быть также проявлением слабо развитой саморегуляции и низкой самоофективности (Леонтьев, 2016; Леонтьев, Осин, 2007), ведь, как было показано в более ранних исследованиях, самоофективность положительно связана с самоуважением, оптимизмом, мотивацией к активным действиям, в том числе в трудных ситуациях, и отрицательно — с тревожностью, беспомощностью, избеганием проблемы и пессимизмом (Крюкова, 2010; Шварцер и др., 1996).

Соответственно, говоря о вере в паранормальное, есть все основания полагать, что ее наличие может приводить личность к определенному отношению к глобальным рискам. В частности, если принять во внимание факт, что суеверность позволяет личности снимать с себя ответственность и во многом полагаться на внешние сверхъестественные силы, то в отношении глобальных рисков такая позиция является неконструктивной и даже опасной. Кроме того, в этом плане суеверность оказывается полной противоположностью самоофективности личности, под которой понимается оценка человеком собственной поведенческой компетентности, своих возможностей решать разнообразные жизненные задачи, т.е. уверенность личности в эффективности собственных действий (Bandura, 1977). Иными словами, если суеверность личности предполагает опору на что-то внешнее, т.е. демонстрирует склонность переносить ответственность с себя на внешние силы, то самоофективность личности, напротив, предполагает опору на себя, свои возможности. При самоофективности человек управляет собой, своим развитием, регулирует уровень собственных усилий, который он готов приложить для достижения поставленной цели (Толочек, 2013), тогда как при суеверности наблюдается нерешительность личности (Rogers et al., 2006) и склонность приписывать жизненные события независящим от самого человека обстоятельствам — судьбе, удаче или сверхъестественным силам (Saucier, 2010).

С позиции теории А. Бандуры, самоофективность есть когнитивный конструкт, убеждение личности в наличии необходимых подвластных контролю внутренних ресурсов, которое позволяет достаточно точно предсказать реальное поведение человека, его усилия и настойчивость, но отнюдь не успешность результата, который может быть обусловлен в том числе и внешними не подконтрольными человеку факторами (там же). Считается, что самоофективность личности не носит надситуативный характер, а является ситуационно специфичной, обусловленной контекстом деятельности. Однако последователь А. Бандуры — Р. Шварцер в ходе совместной с М. Ерусалемом разработки диагностической методики обосновал наличие особого мировоззренческого

конструкта — общей самоофективности — убежденности личности в своих внутренних ресурсах, способствующих успеху (готовности к преодолению любых трудностей, способности контролировать ситуацию, умения находить варианты решения проблем) и нашел убедительные доказательства того, что она является достаточно стабильной характеристикой (Schwarzer, Jerusalem, 1995).

Учитывая тот факт, что общая самоофективность относится к числу тех внутренних условий, которые личность создает или вовлекает, т.е. использует для решения собственных задач и достижения значимых целей, этот мировоззренческий конструкт можно рассматривать в качестве одного из ресурсов личности, которые, по словам Д.А. Леонтьева, «вкладываются, принося прибыль, но сами не расходуются» (Леонтьев, 2016, с. 26). В логике ресурсного подхода с позиций предложенной Р. Шварцером и М. Ерусалемом трактовки общая самоофективность может рассматриваться как универсальный метаресурс, обладание которым «дает выигрыш в самых разнообразных ситуациях» (там же, с. 22). В частности, Д.А. Леонтьев, считая самоофективность устойчивой психологической переменной, относит ее к одной из разновидностей личностных ресурсов, а именно: к группе психологических ресурсов саморегуляции, наряду с локусом контроля, толерантностью к неопределенности, рефлексией и др. (там же). При этом, принимая во внимание тот факт, что самоофективность оказывает влияние на паттерны мышления, целеполагание, мотивационную составляющую, способы принятия решений, действия, чувства и мысли, включая оптимистические или пессимистические сценарии развития событий (Шварцер и др., 1996), на наш взгляд, логично полагать, что она будет иметь связь и с отношением к глобальным рискам: его когнитивными (позицией о возможных способах решения, выраженностью оптимистических мыслей) и поведенческими (характером субъектной активности, степенью готовности действовать) паттернами.

Между тем в научной литературе четкого ответа на вопрос о характере связи между верой в паранормальное и отношением к глобальным рискам мы не находим. Более того, отсутствует четкий ответ на вопрос, как соотносятся вера в паранормальное и отношение к глобальным рискам с самоофективностью, которую можно считать «противоядием» от выученной беспомощности (Seligman, 1975), и, вероятно, тем ресурсом личности, способным противостоять возникновению негативных психологических последствий в ситуациях масштабных рисков и угроз. Иными словами, на данный момент не было проведено исследований, которые бы подтверждали наличие или отсутствие связей между различными компонентами отношения к глобальным рискам и стремлением личности обращаться к паранормальным (внешним) явлениям или опираться на собственные (внутренние) ресурсы.

Цель и гипотеза исследования

Целью нашего исследования стало выявление специфики связей отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи.

Нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Существует прямая взаимосвязь между верой в паранормальное с когнитивными и эмоциональными компонентами, а также обратная связь с поведенческими компонентами отношения к глобальным рискам у студенческой молодежи.

2. Чем выше уровень общей самоэффективности, тем выше оптимизм студентов (их вера в позитивный сценарий) в отношении глобального будущего и готовность активно действовать для защиты себя и своих близких.

Выборка

В исследовании принял участие 121 студент 1–4 курсов факультетов социально-гуманитарного (65 человек) и медицинского профилей (56 человек) вузов Москвы (57%) и Нижнего Новгорода (43%). Возраст респондентов от 18 до 22 лет ($M = 19,6$; $SD = 1,2$), 90% женского пола.

Методы и методики

Исследование проводилось в онлайн-формате в марте — июне 2022 года. Участие носило добровольный и анонимный характер.

Для сбора данных использовалась «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика в адаптации Д.С. Григорьева (Григорьев, 2015). В этой методике выделены 7 субшкал: традиционная религиозная вера, психоспособности (например, телекинез или левитация), колдовство, суеверия, спиритизм, экстраординарные формы жизни (например, существование снежного человека), предсказания (астрологов, экстрасенсов и других людей). Оценка каждой шкалы осуществлялась респондентами по 7-балльной шкале, где 1 — абсолютно не согласен, а 7 — абсолютно согласен с утверждением. Коэффициент α Кронбаха по шкалам от 0,73 до 0,83.

Степень выраженности самоэффективности измерялась с помощью «Шкалы общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер и др., 1996). Данная методика сконструирована авторами с позиций концепции общей самоэффективности в русле социально-когнитивной теории личности А. Бандуры. Коэффициент α Кронбаха = 0,77.

В исследовании был также использован опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика (Нестик, Журавлев, 2018), в котором утверждения оцениваются по 5-балльной шкале: от 1 — «совершенно не

согласен» до 5 — «полностью согласен». Этот опросник позволяет оценить аффективный (А), когнитивный (К) и поведенческий (П) компоненты отношения к рискам по 9 субшкалам: тревога по поводу рисков (А), необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (К), фаталистическое игнорирование (К), религиозный авторитаризм (К), радикальные решения («одни выживают за счет других», К), оптимизм (К), апокалиптизм (К), готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (П) и готовность к активным действиям для защиты себя и близких (П). Коэффициент α Кронбаха по шкалам от 0,65 до 0,95.

Кроме того, при заполнении анкеты респонденты указывали свой пол, возраст, курс обучения, факультет (специализацию).

Описательная статистика, корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 26.0. В ходе статистического анализа были применены критерий Колмогорова — Смирнова, коэффициент Спирмена.

Результаты исследования

Полученные в исследовании результаты были подвергнуты сравнительному анализу со средними значениями, приведенными авторами методик в соответствии с данными по их стандартизации (Григорьев, 2015; Нестик, Журавлев, 2018; Шварцер и др., 1996). В связи с тем, что в нашей выборке преобладали респонденты женского пола, стандартизированные средние значения были так же применены для женщин. Кроме того, поскольку нами не были выявлены статистически значимые различия между результатами учащихся вузов Москвы и Нижнего Новгорода, а также между результатами студентов гуманитарного и медицинского профилей, мы исключили из анализа региональную специфику и специфику профессиональной подготовки учащейся молодежи и рассматривали как совокупную выборку всех респондентов, проживающих в условиях городов-миллионников.

Было обнаружено, что по всем шкалам «веры в паранормальное» значения в баллах ниже, чем средние нормативные: в особенности по субшкалам «психоспособности» и «колдовство» (более, чем на 1 балл), по субшкале «суеверия» различий нет. Стандартные отклонения по всем шкалам находятся в тех же границах, что и в описательной статистике по методике.

Описательная статистика на общей выборке респондентов показала, что вера в паранормальное у студентов социально-гуманитарных и медицинских факультетов вузов не имеет яркой выраженности (Таблица 1). Все значения находятся ниже среднего уровня, при этом самый высокий средний балл получен по традиционной вере, а меньше всего студенческая молодежь подвержена суевериям, вере в существовании экстраординарных форм жизни и в психоспособности людей.

Таблица 1
Описательная статистика

	Шкалы	минимум Min	максимум Max	среднее M	станд. откл. Sd
Вера в паранормальное	традиционная религиозная вера	1,0	7,0	3,78	1,44
	пси-способности	1,0	6,8	2,60	1,50
	колдовство	1,0	7,0	3,19	1,77
	суеверия	1,0	5,3	2,17	1,27
	спиритизм	1,0	6,5	3,39	1,53
	экстраординарные формы жизни	1,0	6,3	2,98	1,18
	предсказания	1,0	7,0	3,12	1,47
	Самооффективность	20	40	30,94	4,43
Отношение к глобальным рискам	тревога по поводу рисков	1,0	5,0	3,36	0,81
	необходимость сотрудничества	1,8	5,0	3,79	0,55
	фаталистическое игнорирование	1,5	4,5	3,12	0,62
	религиозный авторитаризм	1,0	5,0	2,44	0,78
	радикальные решения	1,2	4,2	2,20	0,66
	оптимизм	2,0	4,8	3,52	0,57
	апокалиптизм	1,0	4,3	2,34	0,74
	готовность участвовать	1,0	5,0	3,28	0,87
	готовность к активным действиям	1,7	5,0	3,36	0,70

Table 1
Descriptive statistics

	Scale	Min	Max	M	Sd
Paranormal belief	Traditional religious belief	1.0	7.0	3.78	1.44
	Psi-belief	1.0	6.8	2.60	1.50
	Witchcraft	1.0	7.0	3.19	1.77
	Superstition	1.0	5.3	2.17	1.27
	Spiritualism	1.0	6.5	3.39	1.53
	Extraordinary life forms	1.0	6.3	2.98	1.18
	Precognition	1.0	7.0	3.12	1.47
	Self-efficacy	20	40	30.94	4.43
Attitude to global risks	Anxiety about risks	1.0	5.0	3.36	0.81
	The need for cooperation	1.8	5.0	3.79	0.55
	Fatalistic ignoring	1.5	4.5	3.12	0.62
	Religious authoritarianism	1.0	5.0	2.44	0.78
	Radical solutions	1.2	4.2	2.20	0.66
	Optimism	2.0	4.8	3.52	0.57
	Apocalypticism	1.0	4.3	2.34	0.74
	Readiness to participate	1.0	5.0	3.28	0.87
	Readiness for active actions	1.7	5.0	3.36	0.70

По результатам оценки общей самооффективности мы можем утверждать, что студенты считают себя вполне способными успешно задействовать свои внутренние ресурсы при преодолении

препятствий и решения разного рода задач. Так, средний показатель (31 балл) свидетельствует о достаточно выраженном уровне самооффективности.

Наконец, по итогам исследования отношения к глобальным рискам можно констатировать, что здесь средние значения оказались выше нормативных. В частности, по аффективному компоненту «тревога по поводу глобальных рисков», когнитивным компонентам «необходимость сотрудничества», «фаталистическое игнорирование» и «оптимизм», субшкале «апокалиптизм» (до 0,5 б.), по «религиозному авторитаризму» и «радикальным решениям» различий нет. По поведенческим компонентам отношения студентов к глобальным рискам были также зафиксированы более высокие значения, чем нормативные (выше на 0,9 б. и 1,2 б. по двум шкалам).

Таким образом, если в когнитивном и эмоциональном компонентах отношение к рискам несколько повышено, но несущественно, то в поведенческом компоненте можно наблюдать большую готовность к личному участию в защите от угроз внешнего мира, что может свидетельствовать о повышении мобилизационного потенциала студенческой молодежи в современных условиях социальной нестабильности.

Для выявления специфики связей между отношением к глобальным рискам и определенным психологическим ресурсам, на которые могут опираться студенты, была проведена проверка на нормальность распределения по критерию Колмогорова — Смирнова, результат которой по всем шкалам ($p < 0,01$) показал необходимость дальнейшего использования непараметрических методов статистической обработки данных.

В Таблице 2 представлены результаты выявленных корреляций посредством коэффициента Спирмена.

Согласно результатам корреляционного анализа у студентов были обнаружены статистически значимые положительные связи между некоторыми шкалами веры в паранормальное и когнитивными компонентами отношения к глобальным рискам. В числе этих компонентов оказались «фаталистическое игнорирование», «религиозный авторитаризм», «оптимизм» и «апокалиптизм». При этом была зафиксирована только одна слабо выраженная связь веры в экстраординарные способности и апокалиптизма ($p < 0,05$). В то же время не было обнаружено связи веры в паранормальное с аффективным компонентом «тревога», когнитивным компонентом «необходимость сотрудничества» и поведенческим компонентом «готовность к активным действиям по защите себя и близких». Также было установлено, что поведенческий компонент «готовность участвовать в предотвращении рисков» имеет обратную взаимосвязь с традиционной верой ($p < 0,01$) и доверием к предсказаниям ($p < 0,05$). Таким образом, первая гипотеза подтвердилась частично.

Что же касается общей самооффективности студенческой молодежи, то у этой личностной характеристики были констатированы только две корреляции с религиозным авторитаризмом ($p < 0,01$) и оптимизмом ($p < 0,05$). Предполагаемая взаимосвязь самооффективности с готовностью предпринимать шаги для защиты себя и близких хотя и была обнаружена, но не достигла уровня значимости. Таким образом, наличие слабых корреляций приводит к мысли о том, что на данный момент мы не можем уверенно утверждать, что вторая гипотеза подтвердилась.

Таблица 2

Корреляционные связи показателей веры в паранормальное и самооффективности с отношением к глобальным рискам у студенческой молодежи (по Спирмену, $N = 121$)

Вера в паранормальное	Отношение к глобальным рискам								
	тревога по поводу рисков	необходимость сотрудничества	фаталистическое игнорирование	религиозный авторитаризм	радикальные решения	оптимизм	апокалиптизм	готовность участвовать	готовность к активным действиям
традиционная вера	0,02	-0,02	0,11	0,40***	0,03	0,21*	0,26**	-0,22**	0,01
пси-способности	-0,10	-0,01	0,26**	0,38***	0,27**	0,19*	0,37***	-0,17	-0,01
колдовство	-0,09	0,03	0,16	0,21*	0,14	0,19*	0,30***	-0,15	0,03
суеверия	-0,11	0,02	0,19*	0,33***	0,16	0,12	0,45***	-0,17	-0,04
спиритизм	-0,07	0,09	0,25**	0,26**	0,15	0,34***	0,31***	-0,12	-0,07
экстраординарные способы жизни	-0,05	-0,04	0,08	0,03	0,10	-0,03	0,18*	-0,03	0,01
предсказания	-0,05	0,09	0,25**	0,30***	0,18*	0,24**	0,39***	-0,18*	-0,01
самооффективность	-0,04	-0,01	-0,08	0,22**	0,09	0,19*	-0,09	-0,15	0,12

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Table 2

The correlations of paranormal belief, self-efficacy and attitudes to global risks in student youth (Spearman coefficient, N = 121)

Paranormal belief	Attitudes to global risks								
	anxiety about risks	the need for cooperation	fatalistic ignoring	religious authoritarianism	radical solutions	optimism	apocalypticism	readiness to participate	readiness for active actions
traditional religious belief	0.02	-0.02	0.11	0.40***	0.03	0.21'	0.26**	-0.22**	0.01
psi belief	-0.10	-0.01	0.26**	0.38***	0.27**	0.19'	0.37***	-0.17	-0.01
witchcraft	-0.09	0.03	0.16	0.21'	0.14	0.19'	0.30***	-0.15	0.03
superstition	-0.11	0.02	0.19'	0.33***	0.16	0.12	0.45***	-0.17	-0.04
spiritualism	-0.07	0.09	0.25**	0.26**	0.15	0.34***	0.31***	-0.12	-0.07
extraordinary life forms	-0.05	-0.04	0.08	0.03	0.10	-0.03	0.18'	-0.03	0.01
precognition	-0.05	0.09	0.25**	0.30***	0.18'	0.24**	0.39***	-0.18'	-0.01
self-efficacy	-0.04	-0.01	-0.08	0.22**	0.09	0.19'	-0.09	-0.15	0.12

Note: * p ≤ 0.05. ** p ≤ 0.01. *** p ≤ 0.001

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что в современных условиях роста международной напряженности отношение студенческой молодежи к глобальным рискам несколько выше, чем было обнаружено в предыдущих исследованиях (Нестик, Журавлев, 2018), однако не выходит за пределы среднего уровня. В частности, достаточно позитивным является то, что уровень тревоги не превышает границы нормы. При этом важным фактом стало то, что за последнее время в среде студенческой молодежи усилились тенденции к осознанию необходимости участвовать и готовности действовать в мероприятиях по предотвращению рисков, а также наметился рост оптимизма как веры в возможность построения позитивного будущего. Не исключено, что данная актуализация поведенческого компонента отношения к глобальным рискам была обусловлена как биосоциальными (в случае с пандемией), так и социально-геополитическими вызовами последних лет, которые способствовали усилению направленности молодежи на активное участие в защите от угроз. К тому же такая активность всегда подразумевает наличие некоторого социального оптимизма, ведь если нет уверенности, что можно разрешить ситуацию лучшим способом, то человек, напротив, становится пассивным и отстраненным.

Вместе с тем, что касается приверженности представлениям о сверхъестественном, то стоит отметить, что студенты гуманитарных и медицинских факультетов вузов в целом оказались мало склонны к мистицизму. Иными словами, наши результаты отличаются

от данных, полученных ранее другими авторами (Воронежский, Зинченко, 2016; Григорьев, 2015; Юревич, Юревич, 2013 и др.). Выходит, что среди участников нашего исследования преобладают студенты, обладающие достаточно развитым критическим мышлением и определенно выраженным скептицизмом, что и нашло отражение в полученных результатах. Наш взгляд, этот факт довольно любопытен, особенно, если принять во внимание то обстоятельство, что абсолютное большинство наших респондентов составили лица женского пола, которые по имеющимся в научной литературе данным, в том числе полученным ранее нами, обнаруживают большую склонность к суевериям и нетрадиционной религиозности, чаще демонстрируют религиозную активность и отмечают значимость для современного человека веры как таковой, нежели представители мужского пола (Гусева, 2014; Семенова и др., 2015; Ткачук, Беспалова, 2022). Более того, поскольку значительную часть участников нашего исследования составляли студенты медицинского вуза, полученные данные расходятся также и с отмечаемой ранее некоторыми авторами высокой степенью приверженности медицинских работников магическим ритуалам, заговорам и приметам (Короткова, Трошин, 2017). Мы не исключаем, что невысокая в целом степень выраженности у студентов веры в паранормальное может объясняться их личностными особенностями, в частности, самоофективностью, которая у многих из них оказалась достаточно ярко выраженной. Поясним, что к такому заключению нам позволяют прийти результаты ряда ранее проведенных исследований, иллюстрирующих противоположный по своей сути характер

суеверности и самооффективности личности (Саенко, 2006; Толочек, 2013; Шварцер и др., 1996 и др.), в том числе те, где констатируется положительная связь первой из них с экстернальностью, пессимизмом, тревожностью и нерешительностью (Саенко, 2006; Rogers et al., 2006; Saucier, 2010; Vyse, 2020 и др.) и отрицательная связь второй с беспомощностью и избеганием проблем (Крюкова, 2010; Шварцер и др., 1996). Другими словами, наличие убежденности в своих внутренних ресурсах, вера в свои способности, в том числе возможность контролировать обстоятельства, что, собственно, и предполагает общая самооффективность (Шварцер и др., 1996; Schwarzer, Jerusalem, 1995), делает излишним обращение студентов к вере в неподдающиеся собственному контролю паранормальные явления, т.е. их опору на внешние силы.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют также о том, что отношение студенческой молодежи к глобальным рискам связано с их различными проявлениями веры в паранормальное. В особенности сильные связи обнаружены с религиозным авторитаризмом и апокалиптизмом. Объяснить данный факт можно достаточно легко, поскольку эти показатели отношения к глобальным рискам, согласно трактовке Т.А. Нестика, отражают возвращение к традиционным религиозным ценностям, контроль за гражданами и ожидание конца света, что обусловлено представлениями о существовании темных и светлых сил, о верности предсказаний и т.п. В этом плане наши данные подтверждаются более ранними результатами исследования Т.А. Нестика, где было установлено, что апокалиптизм обусловлен фатализмом, а религиозный авторитаризм связан с религиозностью в целом (Нестик, Журавлев, 2018). При этом показательно, что рост склонности к авторитаризму (выраженному контролю за гражданами) был зафиксирован именно в ситуациях повышения реальных социальных и экзистенциальных рисков, что, несомненно, присутствует и в опыте опрашиваемых нами респондентов (там же).

Кроме того, интересен обнаруженный нами феномен обратной связи поведенческого компонента готовности участвовать в превенции рисков с верой в предсказания астрологов, экстрасенсов и т.п., в то, что судьба предопределена, а также с традиционной религиозной верой студенческой молодежи. Как подчеркивает Т.А. Нестик, фатализм, который зачастую обусловлен верой в сверхъестественное, блокирует участие в коллективных действиях и повышает стремление к радикальным решениям (там же), что и подтверждено нашим исследованием. К тому же, как показывает анализ базовых религиозных ценностей у представителей разных конфессий, традиционная религиозность также часто может приводить к смирению (Schimmel, 2000), а вера в божий контроль над мировыми делами — к отказу от активных действий (Veery, Ben-Nun Bloom, 2015). Вместе с тем, наши данные хорошо корреспондируют с выводами ряда ав-

торов о том, что верующие люди более подвержены страху самостоятельности, нежели атеисты (Грошева, 2004), и по сравнению с атеистами чаще выбирают стратегию дистанцирования от трудностей и реже — стратегию «принятие ответственности» (Тобалов, 2004).

Как уже отмечалось выше, в исследовании были получены данные, свидетельствующие о достаточно выраженной самооффективности студенческой молодежи. В частности, 20% учащихся вуза продемонстрировали высокий уровень общей самооффективности. При этом было установлено наличие связи (хотя и достаточно слабой) этой личностной характеристики с оптимизмом при восприятии глобальных угроз. На наш взгляд, безусловно, требуется дополнительная проверка данного факта на расширенной выборке, однако, опираясь на полученные результаты, а также на ряд теоретических работ (Леонтьев, 2016; Schwarzer, Jerusalem, 1995), мы все же считаем вполне допустимым рассматривать веру в свои силы и результативность действий в качестве возможного личностного ресурса по преодолению рисков, обладание которым может давать, по словам Д.А. Леонтьева, дополнительный «выигрыш», во всяком случае некоторым представителям учащейся молодежи при определенных условиях. Косвенным подтверждением такой возможности служат неоднократно констатируемые ранее факты, позволяющие рассматривать самооффективность как предиктор успешного и безопасного поведения личности, включая совладание с трудными ситуациями (Крюкова, 2010; Погорелов, 2012; Grau et al., 2002; Katz-Navon et al., 2007). В то же время обнаруженная связь самооффективности с авторитарными формами борьбы с глобальными угрозами уже сложнее поддается интерпретации, поскольку, по имеющимся данным (Шварцер и др., 1996; Bandura, 1977; Schwarzer, Jerusalem, 1995), самооффективность обычно не сочетается с установкой на необходимость внешнего контроля. Можно предположить, что с точки зрения какой-то части студенческой молодежи дополнительным стимулом для использования собственных внутренних ресурсов в плане решения глобальных проблем может служить ориентация на традиционные религиозные ценности, значимость которых в качестве стратегии предотвращения глобальных рисков ранее уже была констатирована у православных студентов (Емельянова, Белых, 2019). Не исключено, что и среди участников данного исследования могли оказаться студенты с подобным мировоззрением. Однако точная информация на этот счет отсутствует, поскольку наличие религиозной ментальности у респондентов специально не выявлялось. К тому же сам религиозный авторитаризм как стратегия решения глобальных рисков в целом не был в числе приоритетных у студенческой молодежи, равно как и склонность к традиционной религиозной вере.

Предполагаемая связь общей самооффективности студентов с готовностью к активным действиям по

защите себя и близких не достигла уровня статистической значимости, что, наш взгляд, можно трактовать, исходя из источников самоэффективности (Шварцер и др., 1996). По всей видимости, уверенность в собственных силах студентов не затрагивает сферу действий глобального характера по причине отсутствия у них личного опыта подобных действий и возможности наблюдения за положительным опытом других людей. Иными словами, выходит, что даже общая самоэффективность студенческой молодежи носит преимущественно локальный характер и не распространяется на более масштабный уровень глобальных действий.

Выводы

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сделать следующие выводы:

Большинство из участвующей в исследовании студенческой молодежи — учащихся гуманитарных и медицинских факультетов вузов характеризуются таким отношением к глобальным рискам, в котором, прежде всего, преобладают тревога и одновременно оптимизм, необходимость сотрудничества и готовность к участию в превентивных мерах. При этом данное отношение они демонстрируют на фоне достаточно высокой самоэффективности и в целом мало выраженной склонности к вере в паранормальное, причем не только к суеверию, спиритизму, колдовству, но и включая традиционную религиозную веру.

Список литературы

- Абитов, И.Р., Абдулина, Р.Р. (2023). Особенности взаимосвязи суеверности с индивидуально-типологическими и личностными характеристиками субъекта. *Актуальные проблемы психологического знания*, (4), 34–47. https://doi.org/10.51944/20738544_2023_4_34
- Андрюшкова, Н.П. (2016). Психологические факторы суеверности у молодежи. *Вестник пермского университета. Филология. Психология. Социология*, (3), 46–52.
- Блейлер, Э. (1981). Аутистическое мышление. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Воронежский, И.С., Зинченко, Я.Г. (2016). Место суеверий в студенческой среде. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*, (2), 16–18.
- Григорьев, Д.С. (2015). Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика. *Социальная психология и общество*, 6(2), 132–145.
- Грошева, Л.Н. (2004). Социальные страхи у верующих и атеистов: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Гусева, Е.С. (2014). Гендерные аспекты индивидуальной религиозности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 16(2–2), 329–332.
- Емельянова, Т.П., Бельх, Т.В. (2019). Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов. *Социальная психология и общество*, 10(3), 40–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100303>
- Измоденова, Н.Н. (2013). Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения. *Труды Кольского научного центра РАН*, (6), 20–35.
- Караева, В.Ю. (2015). Психологическое исследование проявления иррациональных установок у специалистов различных профессий. В: Психологическая культура в современном российском обществе. Сб. материалов Всеросс. науч.-практич. конф. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС.
- Короткова, М.Н., Трошин, И.С. (2017). Отношение медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности. В: История и археология. Материалы 4-й Междунар. науч. конф. (С. 31–34). Санкт-Петербург: «Свое издательство».
- Крюкова, Т.Л. (2010). Психология совладающего поведения в разные годы жизни: монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Лебедев, В.И. (1987). Духи в зеркале психологии. Москва: Изд-во «Советская Россия».

Наибольшее число значимых положительных связей с различными вариантами веры в паранормальное наблюдается у таких компонентов отношения к глобальным рискам, как религиозный авторитаризм и апокалиптизм, что свидетельствует о содержательной близости этих феноменов с верой в сверхъестественное.

Самоэффективность может выступать личностной характеристикой, поддерживающей в определенной степени оптимизм и ориентацию на религиозный авторитаризм как стратегию предотвращения глобальных угроз.

В качестве ограничений выполненного исследования следует указать на его специфическую выборку (студенческая молодежь, причем преимущественно лица женского пола) и необходимость ее расширения в плане других возрастных и социальных групп. Так, например, интересно было бы сравнить данные, прежде всего, о восприятии рисков в крупных городах и в небольших населенных пунктах. Следует также отметить важность выявления характера связи самоэффективности со всеми вариантами веры в паранормальное и дополнительного изучения гендерных особенностей отношения к глобальным рискам, при этом рассмотрев не столько общую самоэффективность, сколько ее составляющие компоненты. Кроме того, в перспективе можно говорить и о поиске тех личностных и социально-психологических предикторов, которые опосредуют характер связи отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное у разных групп населения.

- Леви-Брюль, Л. (1994). Сверхъестественное в первобытном мышлении. Москва: Изд-во «Педагогика-Пресс».
- Леонтьев, Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, (62), 18–37.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. (2007). Личностный потенциал как объект психодиагностики. *Психологическая диагностика*, (1), 4–7.
- Нестик, Т.А. (2016). Глобальные риски как психологический феномен. *Пути к миру и безопасности*, (1), 24–38.
- Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). Психология глобальных рисков. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (ред.). (2020). Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Нестик, Т.А., Николаев, Е.Л. (2020). Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 812–821. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-812-821>
- Ольшанский, Д.В. (2002). Психология масс. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Погорелов, А.А. (2012). Самоэффективность как предиктор эффективного и безопасного поведения личности. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 129(4), 140–145.
- Почепцов, Г.Г. (2000). Психологические войны. Москва: Изд-во «Рефл-бук».
- Саенко, Ю.В. (2004). Суеверия современных студентов. *Вопросы психологии*, (4), 122–130.
- Саенко, Ю.В. (2006). Психологические аспекты изучения суеверий. *Вопросы психологии*, (6), 85–97.
- Семенова, Л.Э., Чевачина, А.В., Семенова, В.Э. (2015). Гендерная специфика представлений современной российской молодежи о религии и мотивах обращения к ней. *Современные проблемы науки и образования*, (2-3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23343> (дата обращения: 21.01.2023).
- Страгальщикова, М.Ю. (2012). Социально-психологические особенности феномена суеверия: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Ткачук, Г.С., Беспалова, Т.М. (2022). Влияние возрастных и гендерных характеристик на склонности к суеверию. *Концепт*. URL: <http://e-koncept.ru/2022/0.htm> (дата обращения: 21.01.2023).
- Тобалов, Ю.П. (2004). Совладение с трудными жизненными ситуациями у верующих: на материале православных христиан и мусульман: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Толочек, В.А. (2013). О возможности новых подходов к профессиональному становлению субъекта. *Психология. Экономика. Право*, (1), 6–15.
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В.Г. (1996). Русская версия шкалы общей самоэффективности. *Иностранная психология*, (7), 71–77.
- Юревич, А.В., Юревич, М.А. (2013). Легковерие и скептицизм в студенческой среде. *Социология науки и технологий*, (3), 127–137.
- Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*, 84(2), 191–215.
- Beéry, G., Ben-Nun Bloom, P. (2015). God and the Welfare State — Substitutes or Complements? An Experimental Test of the Effect of Belief in God's Control. *PLoS ONE*, 10(6), e0128858. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0128858>
- Beck, U. (2011). Living in and coping with world risk society. In the Coping with Global Environmental Change, Disasters and Security: Threats, Challenges, Vulnerabilities, and Risks. In: H.G. Brauch, (ed.). (pp. 11–17). New York: Springer Publ.
- Boden, M. (2015). Supernatural Beliefs: Considered Adaptive and Associated with Psychological Benefits. *Personality and Individual Differences*, 86, 227–231. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.023>
- Boustras, G., Waring, A. (2020). Towards a Reconceptualization of Safety and Security, Their Interactions, and Policy Requirements in a 21st Century Context. *Safety Science*, 132, 104942. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104942>
- Grau, R., Martínez, I., Salanova, S. (2002). Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics (Jose)*, 8(1), 23–35.
- Katz-Navon, T., Naveh, E., Stern, Z. (2007). Safety Self-efficacy and Safety Performance: Potential Antecedents and the Moderation Effect of Standardization. *International Journal of Health Care Quality Assurance*, 20(7), 572–584.
- Rogers, P., Qualter, P., Phelps, G., Gardner, K. (2006). Belief in the Paranormal, Coping and Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 41(6), 1089–1105. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.014>
- Saucier, D. (2010). Insight Offered into Superstitious Behavior. *Kansas State University. Science Daily*. URL: www.sciencedaily.com/releases/2010/09/100902131736.html (accessed: 19.05.2024).
- Seligman, M.E. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman Publ.
- Schimmel, S. (2000). Vices, Virtues and Sources of Human Strength in Historical Perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 137–150.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy Scale. Windsor: Nfer-Nelson Publ.
- Tobacyk, J., Milford, G. (1983). Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(5), 648–655.
- Vyse, S. (2020). The Psychology of Superstition. Superstition: A Very Short Introduction. *Oxford Academic: Online Edn*. URL: <https://oceanpdf.com/authors/stuart-vyse/pdf-epub-superstition-a-very-short-introduction-download-70197564409/> (accessed: 19.05.2024).

References

- Abitov, I.R., Abdulina, R.R. (2023). Features of the Relationship of Superstition with Individual Typological and Personal Characteristics of the Subject. *Aktual'ny'e Problemy` Psixologicheskogo Znaniya = Actual Problems of Psychological Knowledge*, (4), 34–47. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/20738544_2023_4_34
- Andryushkova, N.P. (2016). Psychological Factors of Superstition Among Young People. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3(27), 46–52. (In Russ.)
- Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*, 84(2), 191–215.

- Beéry, G., Ben-Nun Bloom, P. (2015). God and the Welfare State — Substitutes or Complements? An Experimental Test of the Effect of Belief in God's Control. *PLoS ONE*, 10(6), e0128858. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0128858>
- Beck, U. (2011). Living in and coping with world risk society. In *The Coping with Global Environmental Change, Disasters and Security: Threats, Challenges, Vulnerabilities, and Risks*. In: H.G. Brauch, (ed.). (pp. 11–17). New York: Springer Publ.
- Bleiler, E. (1981). Autistic thinking. In: Y.B., Gippenreiter, V.V., Petukhov, (eds.). *A textbook on general psychology. Psychology of thinking*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Boden, M. (2015). Supernatural Beliefs: Considered Adaptive and Associated with Psychological Benefits. *Personality and Individual Differences*, 86, 227–231. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.023>
- Boustras, G., Waring, A. (2020). Towards a Reconceptualization of Safety and Security, Their Interactions, and Policy Requirements in a 21st Century Context. *Safety Science*, 132, 104942. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104942>
- Emelyanova, T.P., Belykh, T.V. (2019). Attitude to Global Risks of Students of Orthodox and Secular Universities. *Social'naya Psihologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 10(3), 40–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100303>
- Grau, R., Martínez, I., Salanova, S. (2002). Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics (Jose)*, 8(1), 23–35.
- Grigoriev, D.S. (2015). Adaptation and Validation of the Scale of Belief in the Paranormal In: J. Tobiasika, (ed.). *Social'naya Psihologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 6(2), 132–145. (In Russ.)
- Grosheva, L.N. (2004). Social fears among believers and atheists. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)
- Guseva, E.S. (2014). Gender Aspects of Individual Religiosity. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Centra Rossijskoj Akademii Nauk = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 16(2-2), 329–332. (In Russ.)
- Izmodenova, N.N. (2013). Superstitions as a Way of Life of Educated Groups of the Population. *Trudy Kol'skogo Nauchnogo Centra RAN = Proceedings of the Kola Scientific Center of the RAS*, 6(19), 20–35. (In Russ.)
- Karaeva, V.Y. (2015). Psychological study of the manifestation of irrational attitudes in specialists of various professions. In the Psychological culture in modern Russian society. All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. (In Russ.)
- Katz-Navon, T., Naveh, E., Stern, Z. (2007). Safety Self-efficacy and Safety Performance: Potential Antecedents and the Moderation Effect of Standardization. *International Journal of Health Care Quality Assurance*, 20(7), 572–584.
- Korotkova, M.N., Troshin, I.S. (2017). The attitude of medical personnel to the use of magical rituals, conspiracies and signs in professional activity. In the History and Archeology. Fourth International Scientific Conference. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2010). Psychology of coping behavior in different years of life: a monograph. Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov Publ. (In Russ.)
- Lebedev, V.I. (1987). Spirits in the mirror of psychology. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Leontiev, D.A. (2016). Self-regulation, Resources and Personal Potential. *Sibirskij Psichologicheskij Zhurnal = Siberian Psychological Journal*, (62), 18–37. (In Russ.)
- Leontiev, D.A., Osin, E.N. (2007). Personal Potential as an Object of Psychodiagnostics. *Psihologicheskaya Diagnostika = Psychological Diagnostics*, (1), 4–7. (In Russ.)
- Levi-Bruhl, L. (1994). Supernatural in primitive thinking. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
- Nestik, T.A. (2016). Global Risks as a Psychological Phenomenon. *Puti k Miru i Bezopasnosti = Paths to Peace and Security*, 1(50), 24–38 (In Russ.)
- Nestik, T.A., Nikolaev, E.L. (2020). The Relationship of the Individual's Attitude to Global Risks with the Fear of Death and Proactive Coping: an Empirical Study. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(4), 812–821. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-812-821>
- Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psychology of global risks. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (eds.). (2020). Man in conditions of global risks: socio-psychological analysis. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Olshansky, D.V. (2002). Psychology of the masses. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Pochepstov, G.G. (2000). Psychological wars. Moscow: Repl-buk Publ. (In Russ.)
- Pogorelov, A.A. (2012). Self-efficacy as a Predictor of Effective and Safe Behavior of a Person. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Tekhnicheskie Nauki = Proceedings of the Southern Federal University. Technical Sciences*, 129(4), 140–145. (In Russ.)
- Rogers, P., Qualter, P., Phelps, G., Gardner, K. (2006). Belief in the Paranormal, Coping and Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 41(6), 1089–1105. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.014>
- Saenko, Y.V. (2004). Superstitions of Modern Students. *Voprosy Psikhologii*, (4), 122–130. (In Russ.)
- Saenko, Y.V. (2006). Psychological Aspects of the Study of Superstitions. *Voprosy Psikhologii*, (6), 85–97. (In Russ.)
- Saucier, D. (2010). Insight Offered into Superstitious Behavior. *Kansas State University. Science Daily*. URL: www.sciencedaily.com/releases/2010/09/100902131736.html (accessed: 19.05.2024).
- Schimmel, S. (2000). Vices, Virtues and Sources of Human Strength in Historical Perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 137–150.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy Scale. Windsor: Nfer-Nelson Publ.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., Romek, V.G. (1996). Russian Version of the Scale of General Self-efficacy. *Inostrannaya Psihologiya = Foreign Psychology*, (7), 71–77. (In Russ.)
- Seligman, M.E. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman Publ.
- Semenova, L.E., Chevachina, A.V., Semenova, V.E. (2015). Gender Specificity of the Ideas of Modern Russian Youth about Religion and the Motives for Turning to it. *Sovremennyye Problemy Nauki i Obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2(3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23343> (accessed: 21.01.2023). (In Russ.)
- Strogalshchikova, M.Y. (2012). Socio-psychological features of the phenomenon of superstition. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)
- Tkachuk, G.S., Bespalova, T.M. (2022). The Influence of Age and Gender Characteristics on the Propensity to Superstition. *Koncept = Concept*. URL: <http://e-koncept.ru/2022/0.htm> (accessed: 21.01.2023). (In Russ.)

Tobacyk, J., Milford, G. (1983). Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(5), 648–655.

Tobalov, Y.P. (2004). Coping with difficult life situations for believers: based on the material of Orthodox Christians and Muslims. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)

Tolochek, V.A. (2013). About the Possibility of New Approaches to the Professional Development of the Subject. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo = Psychology. Economics. Law*, (1), 6–15. (In Russ.)

Voronezhsky, I.S., Zinchenko, Y.G. (2016). The Place of Superstitions in the Student Environment. *Elektronnyj Vestnik Rostovskogo Social'no-ekonomicheskogo Instituta = Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, (2), 16–18. (In Russ.)

Vyse, S. (2020). The Psychology of Superstition. Superstition: A Very Short Introduction. *Oxford Academic: Online Edn*. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/stuart-vyse/pdf-epub-superstition-a-very-short-introduction-download-70197564409/> (accessed: 19.05.2024).

Yurevich, A.V., Yurevich, M.A. (2013). Credulity and Skepticism in the Student Environment. *Sociologiya Nauki i Tekhnologij = Sociology of Science and Technology*, (3), 127–137. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марианна Евгеньевна Сачкова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры теоретических основ социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, msachkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>

Marianna E. Sachkova, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor at the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, msachkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>

Лидия Эдуардовна Семенова, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры возрастной и клинической психологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация, verunchka08@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>

Lidiya E. Semenova, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor of the Department of Age and Clinical Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, verunchka08@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>

Поступила: 27.01.2023; получена после доработки: 27.05.2024; принята в печать: 04.07.2024.

Received: 27.01.2023; revised: 27.05.2024; accepted: 04.07.2024.